

⁷ См.: *Васьковский О. А.* Деятельность Уральского (Свердловского) истпарта по разработке истории гражданской войны // Учен. зап. Урал. гос. ун-та. Свердловск, 1966. № 59. С. 24–30. (Сер. Ист., Из истории партийных организаций Урала; № 3); *Он же.* Советская историография истории гражданской войны на Урале // Учен. зап. Урал. гос. ун-та. Свердловск, 1967. № 61. С. 136–189. (Сер. Ист., Вопросы советской историографии Урала; Вып. 10); *Он же.* Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе // Учен. зап. Урал. гос. ун-та. Свердловск, 1967. № 78. С. 3–165. (Сер. Ист., Вопросы историографии гражданской войны на Урале; Вып. 11); *Он же.* Проблема социальных отношений на Урале периода гражданской войны в советской исторической литературе // Историческая наука на Урале за 50 лет. Свердловск, 1967. Вып. 1. С. 131–139; *Он же.* Итоги и задачи изучения истории гражданской войны на Урале // Урал и оборона Советской страны. Свердловск, 1968. С. 53–69; *Он же.* Советская историография гражданской войны на Урале (начало 30-х – середина 50-х гг.) // Учен. зап. Урал. гос. ун-та. Свердловск, 1969. № 72. С. 169–234. (Сер. Ист., Вопросы истории Урала; Вып. 9; Сб. 8).

⁸ См.: Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 1995. [Очерки о Н. В. Ефременкове, В. Д. Камынине, А. И. Романчук, В. И. Шихове].

М. А. Фельдман

История рабочих Урала в трудах О. А. Васьковского

На рубеже XX–XXI вв. вновь возрос интерес к истории рабочих России. Такое явление обусловлено тем, что от действий рабочих масс на протяжении XX в. зависела не только реализация различных государственных программ, но и судьба политических режимов. Снижение в 1990-е гг. интереса историков к социально-экономической проблематике, сокращение числа исследований, относящихся к истории рабочих, следует рассматривать не как свидетельство утраты актуальности данной темы, а в качестве частного случая кризисных явлений в современной исторической науке.

История рабочих Урала занимала видное место в научном наследии создателя школы уральских историографов О. А. Васьковского. Закономерность такого явления была обусловлена самим

положением рабочих в социальной структуре городского и поселкового населения региона, а также тем, что с 1917 г. курс на построение общества социальной справедливости был связан с «руководящей и созидающей» ролью рабочего класса.

Казалось бы, в 1950–1960-е гг. в трудах О. А. Васьковского трактовка рабочих Урала носила традиционный для того времени характер. Горнозаводские рабочие делились им на три основные группы. К первой группе относились чистые пролетарии, состоящие из пришлых элементов, и те местные рабочие, которые не владели какой-либо собственностью. Чистые пролетарии полностью порвали связь с сельским хозяйством и содержали себя и свою семью только за счет заработной платы. В таком положении, как утверждал историк, находилось большинство рабочих крупных, технически передовых предприятий Урала. Ко второй, наиболее многочисленной группе принадлежала та часть мастеровых и вспомогательных рабочих, которая имела основным источником существования работу на заводе, но сохранила связь с землей в форме владения усадьбой, огородом, покосом, небольшим пашенным наделом. К этой категории относились рабочие мелких уральских заводов. В третью категорию были включены полурабочие-полукрестьяне, занятые на вспомогательных работах¹.

Однако уже в этот период проявились отличия научного почерка уральского ученого от ортодоксального отображения истории. Обратимся к введению, написанному О. А. Васьковским, к коллективному труду «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале». Историки еще не располагают необходимым статистическим и документальным материалом, подчеркивал О. А. Васьковский, для того, чтобы конкретно судить о соотношении классовых сил в уральской деревне на различных этапах Гражданской войны. Недостаточная изученность источников по этому вопросу приводит к декларативности, упрощенчеству, схематизму. «Что касается рабочего класса Урала, то его роль в жизни тыла выглядит еще схематичнее. Приведенные в литературе факты об участии рабочих в борьбе с контрреволюцией, решении других важнейших военно-хозяйственных и политических задач... не дают основания для широких научных обобщений»². Вчитываясь спустя треть столетия в приведенные строки, поражаешься смелости

мысли О. А. Васьковского. Недорабатывала все-таки цензура: автор введения подавал знак думающему читателю о незавершенности исторических исследований, построения самого контура советской истории. Стройная концепция авангардной роли рабочего класса во всех областях жизни получала иную оценку. Не сомневаясь в тот период в марксистской трактовке роли рабочего класса, О. А. Васьковский желал видеть подлинную историю рабочих Урала.

У каждого из историков была своя дорога к переосмыслению ценностей. В данном случае аналитическое сравнение исторической литературы 1920-х гг., базирующейся на широком массиве источников, и литературы 1930-х – начала 1950-х гг. подводило О. А. Васьковского к выводу о декларативности и схематизме генерального направления советской истории.

Логика научных исследований у работающего ученого не знает таких понятий, как «застой» и «безвременье». В самом начале 1980-х гг. О. А. Васьковский издает учебное пособие «Историография и социально-политические проблемы истории гражданской войны на Урале», в котором открыто выразил уважительное отношение к историкам 1920-х гг. Работы ведущих историков этого периода, указывал автор, отличались сравнительно солидной источниковедческой основой, научной аргументацией, указанием на источники, еще не введенные в научную разработку³. Впервые за долгий период существования советской исторической науки прозвучали высокая оценка теоретического наследия опального А. П. Танеева и непривычно мягкая критика определения А. П. Танеевым социальной природы уральского рабочего. Обращает на себя внимание характеристика еще одного репрессированного ученого – удмуртского историка Ф. П. Макарова. В учебном пособии монография Ф. П. Макарова рассматривалась как наиболее содержательное и теоретически зрелое произведение исторической литературы 1930-х гг., с широким кругом источников и литературы, использованных автором, в качестве примера объективного конкретного изучения некоторых чрезвычайно сложных и противоречивых явлений Гражданской войны⁴. Знаменательно и другое – успехи исторической науки 1920-х гг. О. А. Васьковский связывал с активным участием общественности в процессе исторических

исследований (например, в создании сети кружков содействия Истпарту из старых большевиков и рабочих⁵).

Ежегодный выход в 1979–1990 гг. историографических сборников под редакцией О. А. Васьковского обогащал историков новыми оценками и указанием на малоизвестные (и зачастую малодоступные) источники. Сам процесс накопления исторических знаний вступал в скрытый конфликт с официальным видением истории. Духовное раскрепощение историков с конца 1980-х гг. сделало этот конфликт открытым и зримым.

Справедливо суждение учеников О. А. Васьковского о том, что Олег Андреевич решительно протестовал против огульного очернительства истории советского государства⁶. Более того, в работах О. А. Васьковского первой половины 1990-х гг. прослеживается мысль о весомом значении социальных преобразований советского периода истории. Отсюда антисталинские суждения стали для О. А. Васьковского не данью времени, а логическим продолжением научных поисков. В последнем своем труде, написанном совместно с А. Т. Тертышным, О. А. Васьковский отмечал, что историографические исследования, созданные в советское время, несли неизгладимую печать своего времени и за редким исключением служили не науке, а идеологии. Рассказывая о том или ином историческом произведении, советский историограф меньше всего думал о его соответствии подлинным фактам, но о степени овладения им марксистской методологией⁷. Советские историки, стремясь во что бы то ни стало доказать экономическую зрелость России, исходили из того постулата, что отечественный монополистический капитализм ничем в принципе не отличался от капитализма промышленно развитых европейских государств⁸.

Примером иного рода О. А. Васьковский и А. Т. Тертышный называют научную деятельность В. В. Адамова, одного из самых образованных и здравомыслящих историков Уральского края⁹. По мнению В. В. Адамова, незавершенность процессов ранней индустриализации на Урале обусловила и незавершенность превращения рабочих крупной промышленности региона из сословия в класс, неоднородность уральского пролетариата. В монографии приводятся убедительные примеры справедливости такой точки зрения.

Авторы дают высокую оценку книге удмуртских историков П. Н. Дмитриева и К. И. Куликова как новому взгляду на ижевских рабочих, раскрывающему совершенно необычный облик рабочих крупнейших машиностроительных заводов региона. Получая хорошее жалование за свою высокую квалификацию, проживая в собственных домах, пользуясь дополнительным доходом от подсобного хозяйства, такие рабочие отличались сравнительно высоким уровнем жизни и по своему положению не могли разделять идеологию тех, кому нечего было терять, кроме своих цепей. Эту часть заводского населения в советской историографии обычно именовали рабочей аристократией, т. е. приравнивали к мелкобуржуазным элементам¹⁰. Преодолевая прежние, в том числе и собственные, оценки, О. А. Васьковский и А. Т. Тертышный пишут: «...но можно ли считать признаком аристократизма и буржуазности жизненный достаток, заработанный квалифицированным трудом? ...Было бы неправильно относить зажиточную часть уральского пролетариата, ровно как и среднее крестьянство, скажем, к нетрудовому классу. И отсталой тоже не назовешь, хотя это определение и укрепилось в нашей литературе, поскольку культурный уровень так называемой рабочей аристократии тоже был относительно высоким»¹¹. Строки, обращенные к ижевским и воткинским рабочим, на наш взгляд, имеют прямое отношение к большинству рабочих основного производства предприятий казенных горных округов.

Мысль О. А. Васьковского о глубокой социальной неоднородности в среде уральских рабочих доходит до своего логического завершения. Говоря о выступлении ижевских и воткинских рабочих против большевиков, он писал: «Речь в данном случае идет о разных идеологиях. Потомственные мастеровые люди, владевшие каким-то имуществом, не воспринимали большевизма с его экспроприаторскими наклонностями... Только при поддержке заводского населения антибольшевистский мятеж приобрел такой широкий размах и составил серьезную угрозу для Советской власти»¹².

Возможно, сторонники консервативно-ортодоксального направления среди представителей исторической науки найдут в этих словах отказ от прежних убеждений так же, как сторонники либерального подхода к истории обнаружат половинчатость в эволюции

взглядов О. А. Васьковского. Как нам представляется, освободившись от идеологических догм, исторические взгляды О. А. Васьковского обрели свою подлинную сущность: социалистическую парадигму. Именно с этих позиций ученый в 1990-е гг. без политических пристрастий всматривался в проекты социальных программ и их реализацию у белых и у красных, у правительств «демократической контрреволюции». О. А. Васьковский понимал, что задача достижения общества социальной защищенности остается важнейшей проблемой современности. Исторический опыт социального переустройства на протяжении всей научной деятельности был в центре внимания уральского историка. Выскажем мнение, что О. А. Васьковский к середине 1990-х гг. стал одним из первых историков направления, сочетающего как научные новации и подходы современных наук¹³, так и впитавшего достижения советской исторической науки. Такое направление, рассматривавшее идею постепенных, поэтапных реформ, не отвергающих позитивный потенциал социальных преобразований в СССР, являющееся альтернативой курсу либеральных реформ, следует назвать социал-демократическим, исходя из опыта российского и международного рабочего движения, анализа социальных завоеваний, потенциала нереализованных социально-экономических, исторических, политологических концепций в СССР на рубеже 80–90-х гг. XX в.

Концептуальное содержание трудов О. А. Васьковского позволяет по-новому оценить эволюцию промышленных рабочих в СССР в 1920–1930-е гг. Отличие советского опыта определялось масштабами социалистического эксперимента в СССР, связанного с приходом социальных низов на различные ступени управленческого аппарата. В силу этого промышленные рабочие могли играть более заметную роль, чем в дореволюционный период, во всех областях жизни общества.

Проблему конкретного воздействия рабочих на разработку и реализацию государственной политики нельзя отнести сегодня к числу хорошо изученных. Прежние идеологизированные оценки представляют сегодня больше фактологический интерес. Попытаемся в общих чертах выделить параметры влияния рабочих на курс советской социальной политики. Во-первых, это приоритет правового и социального статуса рабочих, закрепленного в за-

конодательстве. Существует значительный пласт документов, подтверждающий влияние настроений рабочих масс на советское руководство, правда, в большей степени в 1920-е гг. Приведем такой факт. В 1920-е гг. два из пяти обычных разделов информационной сводки ЦК ВКП(б) содержали сведения о настроениях рабочих. Преобладание негативного материала в сводках говорило о желании лидеров СССР иметь достоверную информацию. Следует сказать, что в реальной жизни власть вычеркивала из массива «привилегированных рабочих» целые социальные слои, например, воевавших на стороне белых, участников забастовок, с начала 1930-х гг. – совершивших прогул и т. д.¹⁴ Для политически лояльных рабочих открывалась дорога к льготному получению образования и выдвижению на руководящие должности.

Во-вторых, к началу 1930-х гг. правящая партия действительно выдвинула на руководящую работу значительное число рабочих: в народном хозяйстве – около 240 тыс. человек по СССР и 21,5 тыс. – в Уральской области. Однако 3/5 рабочих-выдвиженцев на Урале заняли должности на самых нижних ступенях административной лестницы. Так, в 1933 г. из 14 261 рабочего-выдвиженца в промышленности Уральской области 44 % оставалось на должностях мастера и бригадира (десятника); 13 % занимало низшие конторские должности. Исходя из этого, только 43 % рабочих-выдвиженцев действительно пополнили управленческий корпус. Руководителями (т. е. первыми лицами в трудовых коллективах Урала) стали 1 617 рабочих, в том числе 635 в промышленности¹⁵. Приведенные цифры свидетельствуют, что «орабочивание» госаппарата в 1920-е – начале 1930-х гг. являлось важным компонентом государственной политики. Если судить по Уралу, рабочие составляли 1/3 всего управленческого аппарата, но только 1/6 верхнего слоя управленцев (уровень трестов и объединений союзного значения), 32,4 % от состава управленцев районного, но 21,2 % – областного звена¹⁶. Как видно, удельный вес рабочих снижался по мере продвижения по управленческой лестнице.

Кроме того, в промышленности руководителями (первыми лицами в трудовых коллективах) стали, по нашим подсчетам, 4,5 % рабочих-выдвиженцев, тогда как в административном аппарате – 30 %. В самом же административном аппарате 87,4 % бывших

рабочих – выдвиженцев-руководителей – осели на уровне районных органов управления¹⁷. Вектор и динамика выдвижения рабочих на руководящие должности очевидны: в наибольшей степени «оробочивание» коснулось низового звена административного аппарата. Однако мы обозначили только одну сторону проблемы. Каково было конкретное влияние выдвиженцев-рабочих на выработку и реализацию государственной политики на всех уровнях административного аппарата? В различных областях жизни? В чем специфика Уральского региона, в котором руководящий слой управленцев почти полностью состоял из выходцев из рабочих? Без решения поставленных вопросов во многом повисает в воздухе вопрос о демократическом потенциале социальных преобразований в СССР. К ответу на эти вопросы призывают память и долг перед историками рабочего класса Урала.

¹ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969. С. 66.

² Там же. С. 24

³ Васильковский О. А. Историография и социально-политические проблемы истории гражданской войны на Урале. Свердловск, 1981. С. 17, 19.

⁴ См.: Там же. С. 56, 58.

⁵ См.: Там же. С. 18.

⁶ См.: *Заболотный Е. Б., Камынин В. Д., Тертышный А. Т.* Урал накануне великих потрясений 1917 г.: (Историогр. очерк). Тюмень, 1997. С. 12.

⁷ *Васильковский О. А., Тертышный А. Т.* Феномен диктатуры пролетариата (1917 год в оценке историков). Екатеринбург, 1995. С. 10.

⁸ См.: Там же. С. 77.

⁹ См.: Там же. С. 104.

¹⁰ См.: Там же. С. 137–138.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ См.: *Заболотный Е. Б., Камынин В. Д.* Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия. Тюмень, 1999. С. 81–106.

¹⁴ См.: *Собрание узаконений СССР.* 1930. № 2. Ст. 5; № 6. Ст. 69; 1931. № 60. Ст. 387; 1932. № 78. Ст. 475.

¹⁵ Подсчитано по: XVI съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1930. С. 83; Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 11. Д. 438. Л. 25.

¹⁶ Там же. Л. 32.

¹⁷ Там же. Оп. 7. Д. 24. Л. 73.